

Маме

Да приснятся вам легкие сны!
Что над вами уже не вольны
Ни корысть, ни жестокость, ни злоба,
Что на золоте высшая проба
Не имеет отныне цены...

Да приснятся вам легкие сны!
Что теперь — ни греха, ни вины
Нет за вами; расправлены плечи,
И слышны лишь правдивые речи,
А другие — совсем не слышны...

Да приснятся вам легкие сны!
Что года не напрасно даны,
Не уходят водою меж пальцев,
А иглой по окружности пальцев
Вышивают узор новизны...

Да приснятся вам легкие сны!
Что решения ваши трудны
И суждения ваши не скоры,
Но глупы и пусты приговоры,
Даже если стократно верны...

Да приснятся вам легкие сны!
Что границы еще не видны,
А пророчества вовсе не строги,
И огромного мира дороги
В вашу краткую жизнь вплетены...

Да приснятся вам легкие сны!
Что над крышами отсвет луны
Пробивает полночную сажу,
И Судьба опускает поклажу
С утомившейся за день спины...

Да приснятся вам легкие сны!..

Хайфа

Свиток

Борис Херсонский — поэт, эссеист и переводчик, автор нескольких поэтических книг. Стихи Бориса Херсонского публиковались в России, США, Финляндии, Германии, Израиле, переводились на финский и английский языки. В течение многих лет Борис Херсонский переводит библейские и "околобиблейские" поэтические тексты. Были опубликованы две книги "Книга хвалений"(1994) и "Поэзия на рубеже двух заветов" (1996), в альманахе "Богомыслие" (1998) публиковался перевод библейской книги Екклесиаста. Недавно вышедший в Одессе сборник "Свиток" продолжает эту тему. Книга состоит из двух частей. Первая — переводы избранных гимнов (псалмов) кумранской общины, эссе, радикальной иудейской секты, удалившейся от мира в пустыню. Вторая — стихотворения автора, в которых он пытается реконструировать тот мир, из которого бежали эссеи.

Предлагаем вниманию читателей начальные фрагменты этой книги.

Фрагменты — 1

Голос пресекается... Камень... Милость Твоя...
Будет сокрушено... Безответно... Бессмысленно...
Свет невечерний... Для меня...
Соберутся звери и птицы...
С детьми Адама, сообразно влечению их сердец...
Впереди — разрушение... огонь и уничтожение...
И... не... люди, собственность их...
Есть ли у вас сила ответить Ему,
и что вообще осталось...

***

**Это несколько звуков,
верней, заунывная песня,
это строки не слева направо,
а справа налево.
Это слово, сухое и ломкое,
словно опреснок,
и поющий в седьмом поколеньи
не помнит напева.**

**Он, однако, пытается петь,
ожидая подсказки,
изнутри, или свьше,
безмолвие — тоже сгодится.
Но повсюду — галдеж, толкотня.**

**Ожиданье развязки
постепенно становится
главной из наших традиций.**

**И душа напряженно следит
за движением пальца
по пергаменту,
не различая ни знака, ни звука.
Только музыка учит скитальца
(и сына скитальца):
сколько сказано, спето,
но, видно, не впрок нам наука**

Псалом 1.

Эти вещи открыла мне мудрость Твоя.
Ты ухо мое отверз,
и чудные тайны услышал я.
Я вещь, вылепленная из глины,
замешанной на воде,
земля стыда и кладезь нечистоты,
очаг нечестия, здание греха.
Дух заблуждения, ошибки, незнания,
трепещущий праведного суда.

Что могу возвестить,
что бы не было возвещено,
что могу я сказать,
чего загодя Ты бы не знал?

Стилом памяти вещи
написаны пред тобой,
на все времена, на все года,
наполняющие Вечность,
во все предначертанные времена.
Ничто от Тебя не сокрыто.
От лица Твоего никому не укрыться!

Сочтет ли грехи свои человек?
Как невинность свою защитит?
Как ответит на справедливость
Твоих судов?

Твои, о Боже, познания
и праведные дела,
Твои — основания правды.
А человеческим сынам —
служение греху и деяния лжи.

Ты создал дыхание на языке,
Ты знаешь его слова,
плоды уст Ты утвердил,
до того, как созрели они.

От Тебя — ритм слов
и мелодия от дыхания губ,
ритм, порожденный тайнами их,
дыхание уст — по размеру их,
чтобы славу Твою возвестить,
о чудесах Твоих рассказать,
о всех деяниях правды Твоей,
справедливых Твоих судах.

Разум заставит людей понять,
прославят Тебя во веки веков.

А Ты состраданием Твоим,
расточая милость Твою,
укрепил человеческий дух
до того, как беды его начались,
Ты очистил его.
Ты омыл его от множества зол,
чтобы он возвестил
о Твоих чудесах
до начала Твоих трудов.

Фрагменты — 2

Все деянья нечестия...справедливости...
Во всех... охваченных...
Они, возвестившие радость скорбящим...
Ко всякому разрушению...
До хаоса... Томление сердца...

***

Как одиноко город сидит,
сгорбившись, подобно вдове,
с платком на старушечьей голове!
Ее владенья разорены,
юные дочери осквернены,
был сын, но и он убит.

За острой иглою — белая нить,
саван — прочное полотно,
пусть покроет родную землю оно,
прислонилась к горячему камню щека,
ни плакальщика, ни могильщика,
землю некому похоронить.

Иеремия, ты слышишь, я
плачу с тобой вдвоем,
так рыдают высохший водоем
и проломленная городская стена,
моя столица осталась одна
по ту сторону бытия.

А по эту сторону — два раба,
яма, петля и страх,
недвижный воздух, дорожный прах,
на котором две цепочки следов,
да десяток идущих по следу врагов,
а следом — плетется арба.

Бугристые, длинные спины волов,
крик погонщика: "Шевелись!"
И хочешь — кляни, а не хочешь — молись,
все равно ни то, ни это — не в счет,
и равнодушно вечность течет
поверх склоненных голов.

Псалом 4.

Благодарю Тебя, Господи,
ибо бодрствует глаз Твой,
наблюдает душу мою.

От ревности лжецов
Ты избавил меня,
от сборища
любителей кривых путей.

Но Ты спас жизнь бедняка,
которую хотели разрушить они,
пролив кровь Твоего слуги.

Мой путь Ты направлял,
а они не знали того.
Они стыдили меня,
смеялись в лицо.
Клевета наполнила их уста.
Но Ты пришел на помощь душе
немощего бедняка,
вырвал меня из жестоких рук!
Ты избавил меня
из ловчей сети.
От руки злодея
гибель мне не страшна!

Фрагменты — 3

Ты заставил лицо мое просиять...
Тебе, в вечной славе... Вместе со всеми...
Уста Твои и Ты освободили меня...
Также и от... И ныне душа моя...

***

**Направленье и скорость бегства,
место действия — безразличны,
и спасенье не цель, а средство
пробудиться, как в детских снах.**

**Обстоятельства так обычны:
пробудись и, пробудившись,
ощущаешь мышцы, и в мышцах —
кровь, и в каждой кровинке — страх.**

**По уступам морского дна
мы бежим, запрокинув лица.
Позади гремят колесницы,
и вода стоит, как стена.**

**Но к стене нельзя прислониться,
и судьба уже решена.**

Псалом 5

Они уподобили жизнь мою
кораблю на пучине морской,
крепости в кольце врагов.

Я страдал, как женщина в родах,
приносящая первенца своего.
Сжимают схватки чрево ее!

О, адская боль!
На волны смерти приходит сын!

Она рождает мужчину.
Среди волн смерти
она дает жизнь мальчику
в адских мученьях.

Он восходит из мук,
о, чудный Советник с властью.
О да, мужчина восходит из волн...

Но она, несущая в чреве своем
мертвое семя,
страдает от волн,
которые изрыгает ужасный Ад.

Основания стен сотрясутся,
как корабль на поверхности водной,
будут стонать облака.

Те, кто обитает во прахе,
и те, кто живут в глубинах,
ужаснутся от рокота волн!

И все мудрецы,
как матросы над бездной.
Их мудрость смутится
рокошующим морем.
Кипящая бездна
над водными потоками.
Море во гневе.

***

**Разбитые зеркала —
это будет потом,
а покуда жены Иршолаима
глядятся в полированную медь,**

придающую лицам
желтоватый оттенок.

Каждая прядь волос
над высоким лбом
сама по себе, недвижима,
и если слишком долго смотреть,
различаешь сеть
голубоватых тончайших веночек
во впадинке у виска,
это вовсе не означает,
что пора увяданья близка,
но все же — чуть огорчает.

Известно, что юное тело
должно блестеть,
и маслянистые умощенья
покрывали красавицу
с головы до пят,
что сказывалось
на качестве отраженья,
блистательного в блистающем.
Тебя окропят
ароматной водой,
настоянной на лепестках
черных роз, и это особый род
мумифицирования тела,
которое по природе — прах,
но на пути к распаду
(чему настанет черед)
хотело всего, что благоухало
и (или) блестело.

Растление и исление
на наречии тех времен —
одно и то же. Похотливое лоно,
открытое всем и каждому,
могло оказаться

(вместе с сосцами, которых
каждый мог свободно касаться)
причиной набега враждебных племен,
паденья столицы,
плача у рек Вавилона,
пленения, рабства; и даже колонны
в Святая Святых шатались в такт
колебанию ложа блудницы,
хотя и не каждый грешник
смог убедиться
в течение жизни,
что это и вправду так.

Медное зеркало
нельзя разбить на куски,
его корежат, сминают
и втоптывают в грунт,
оно темнеет,
покрывается чернотой
и зеленью патины,
в которой кроме тоски,
двуокиси жизни, распада,
отражается только бунт
первобытного хаоса,
оставшегося за чертой
Творенья Господнего.
В черный бугристый диск
проваливаешься, как в бездну —
глядись не глядись.